КРОКОДИЛ

ЧАСЫ «ДИРЕКТОРСКИЕ»

Подробности см. на стр. 7—9.

Рисунок Г. ВАЛЬКА

В 11 часов Совещание

В 1 час Совещание

В 10 часов Заседание

В 2 часа Заседание

В 9 часов Совещание

В 3 часа Совещание

В 8 часов Заседание

В 4 часа Заседание

В 7 часов Совещание

В 5 часов Совещание

В 6 часов Заседание

— Да, я Чистякова, Дарья Васильевна. Медсестра в отставке. Все верно. Но уж очень некстати вы сегодня явились. Мы на новую квартиру перебираемся и все вещи перевезли, но дети мои здесь, в стенном шкафу, на верхней полке, оставили кое-какие вещички, и мне пришлось приехать за ними. Так что вы меня здесь случайно застали... Нет, они не забыли, а так, по молодости-глупости. Зачем, мол, тебе, мама, этот старый хлам? Только место занимает. А у этого хлама своя история. Вы подождите, пока я все это уложу. Вещи-то уж больно памятные...

Вот, к примеру, деревянная чашка-самоточка. Видите, черная вся от старости, на боку трещина, как морщина. Эту чашку еще до революции мой дед своими руками выточил. Весь сервиз у моей бабки был эта чашка, такие же ложки да драгоценная вещь — чугунок обливной. Однажды бабка уронила его вместе со щами, а он возьми и расколись. Аккуратно так раскололся, на две половинки. Дед тогда жену за косы оттаскал. И поделом! Ведь за новый чугунок пришлось поросенка отдать.

Очень удобно было тогда! Иметь денежные знаки не обязательно. Покупаешь у гончара горшок, а денег нет. Не беда, говорит, бери любой, а плата такая: сыпь полон горшок муки. Да еще «утоптать» велит.

А вот, прошу любить и жаловать, эмалированная кастрюля. Коварная, злодейка! Сторожишь, сторожишь, а в ней и не закипает. А чуть отвернешься — весь суп на плите. Вся кастрюля в пузырях, в раковинах. Крышка кривая. Если без сноровки накрывать—обязательно провалится. А выбрасывать ее не могу. Если хотите знать, это первая советская кастрюля, первая продукция завода, пущенного после революции. Мать моя ее по ордеру получила. То-то было радости! Правда, ни наваристых борщей, ни бульонов с фрикадельками кастрюля не видала. Больше варили мы в ней пустую похлебку, как тогда говорили, «брандахлыст». Сейчас ее и Тобик наш не стал бы есть.

А совсем стало туго, когда пришел год-убийца, треклятый двадцать первый голодный. Мы тогда с Поволжья на Кавказ перебрались. Там к местным кулакам нанимались батрачить «за кусок». Если не знаете, так это попросту за харчи. Кулаки кормили только батраков, а их детишкам — шиш без масла. Но родители наши хитрые были: они сами ели болтушку, а хлеб из отрубей нам приносили.

Весной дело пошло веселее: трава появилась. Вы ели когда-нибудь котлеты из сурепки? Или шницель из лебеды? А мы ели. Вообще меню было богатое: конский щавель, крапива, дикий чеснок, кислица. Чудная диетическая еда. Сахара, который ведет к ожирению и портит зубы, у нас не было и в помине, мы потребляли безвредные свекольные выпарки, такой жиденький сиропчик.

Потом пошел первый ячмень. Его собирали еще недозрелый, шелушили и варили вот в этой самой кастрюле. Какие же мы тогда были стройные! Хоть святых угодников с нас пиши. Да и могло ли быть иначе, если все дни подряд — разгрузочные?..

А вот *деревянная поварешка*. Чурка и чурка. Ее в двадцать втором году мой братишка Костик притащил матери в подарок. Он, знаете, на скачках на чужой коняшке скакал и третий приз получил, поварешку эту. Вот какие мы тогда богачи были, скачки устраивали, призами швырялись...

А хотите, я вам расскажу о модах тех времен? Девчата платья носили тогда только серого цвета. Очень он был модный. Потому что материал был только один — серая мешковина. Делалось платье просто: дыра для головы, две дырки для рук — и наряд готов. Но голь на выдумки хитра. Мы придумали эти платья мережить и вышивать по подолу и вороту. Выкручивались одна перед другой — у кого вышивка интереснее. Туфли сами шили из тряпок, на веревочной подошве. Нахальства набирались — даже каблуки к ним приделывали. Но это была обувь праздничная, а на каждый день шли деревяшки: просто дощечка с ремешком. Помню, как у нас в деревне появилась первая пара галош. За девушкой, на которой галоши были, шла толпа, все ее ногами любовались. Вернее, галошами.

Время шло. Всякое бывало, и хорошее и плохое. Я замуж вышла, в город к мужу переехала. Помню, открыли у нас «Торгсин». Интересное было заведение: всякие товары, продукты, папиросы. Но продавали за золото или драгоценные камни. А поскольку у нас ничего такого не было, мы ходили туда просто смотреть. И то приятно.

А в войну муж на фронт ушел, ребят вместе с детским садом и школой эвакуировали, а я осталась. Вскоре фронт к нашему городу подошел, немец в ворота ломился. Но отбили. Вернулись в город вместе с другими и мои ребята. С продуктами было туго, и выменяла я тогда мужской костюм на полмешка кукурузы. Зерно мололи на мясорубке, а крупу эту ставили на ночь на электроплитку. Электричество было жиденькое, вполсилы. К утру крупа хоть и не кипела, а распаривалась. Получалась каша. Ни дров, ни керосина не было. Так мы жили.

Видите, на краю полки солдатский котелок стоит, с рваной дырой на боку? Сейчас я сниму котелок. Его муж с фронта привез. Котелок этот мужу жизнь спас, минный осколок на себя принял.

Ну, дело идет к концу. Глядите, последний экспонат моего музея: медный тазик. Первая послевоенная покупка. Заплатила я за него на толкучке втридорога. Но уж он нас и отблагодарил! И тесто в нем месили и воду грели. С мылом в то время туго было, так мы в нем и мыло варили из всякой ерунды. Получалось мыло не мыло, а размазня какая-то, но все же выручала, пока заводы не наладились.

Я как-то сыну Геннадию рассказала, как мыло варила. А он отвечает:

— *Вспомнила!* А теперь, — *говорит*, — ты на мыло и не смотришь. Тебе порошки подавай. «Лотос», индийскую пагоду. И вообще, — чего тебе не хватает? Есть у тебя и кофеварка, и скороварка, и электросамовар, и чайник со свистком. Кстати, я ему шею сверну, чтобы не будил спозаранку. Свистит, как Соловей-разбойник, ни свет ни заря. А когда ты на пенсию собралась, сослуживцы твои, чтоб им пусто было, преподнесли кухонный комбайн. Я об этого дьявола ударился до черного синяка...

Да, было время — чашкой-самоточкой обходились. А теперь я вам и в скороварке дефект сыщу. Вот, кричат, век химии. А с чайника накипь нечем снять. Внуку Миньке ванночку купили — три мужика не поднимут, железа на нее пошло, как на добрый паровоз. А почему бы не делать ванночки легкие, из пластмассы? Качество у нас не всегда на высоте. А бывает, если качество хорошее,— значит, с количеством не угадают.

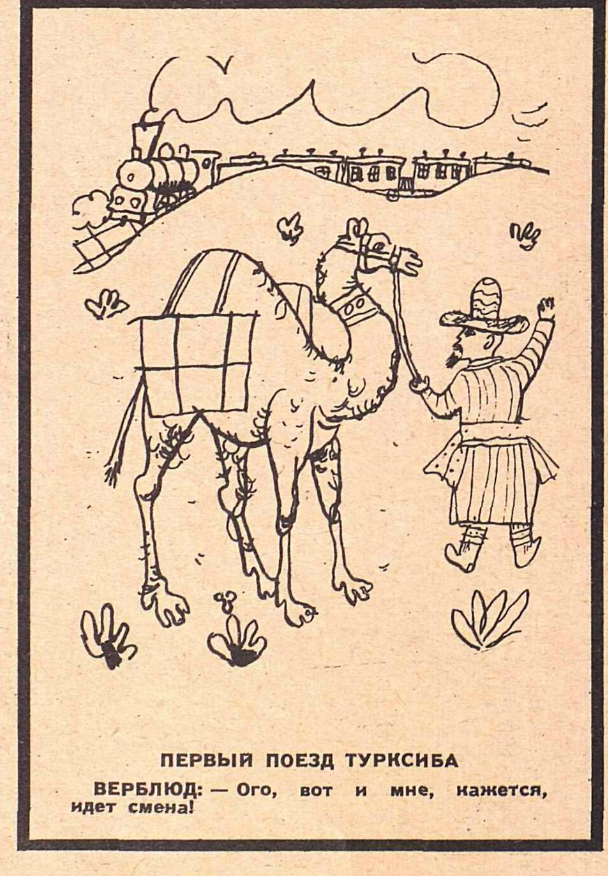
Но это я так. К слову. К старости, знаете, капризы появились. Ну, кажется, управилась, все уложила. Можете задавать вопросы.

Со слов Д. В. Чистяковой
записала Е. ЦУГУЛИЕВА.

НЕУВЯЗКА

— По пятилетке, говорят, много хороших мостов построят. Вот будет лафа!
— Чудак, ведь по пятилетке ни одного беспризорного не будет!

ПЕРВЫЙ ПОЕЗД ТУРКСИБА

ВЕРБЛЮД: — Ого, вот и мне, кажется, идет смена!

Рисунки И. МАЛЮТИНА, журнал «Чудак», 1929—1930 гг.

— Вы уж извините, что не обеспечили вас на время гастролей жилплощадью!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Наглядный пример

Микрорассказ

В солнечной, светлой комнате было уютно и тепло. После обеда за круглым столом удобно расположилась вся семья.

Папа просматривал журнал «Служба быта», мама вязала шарфик, а восьмилетний Саша читал книжку.

— Папа, мне тут непонятно,— сказал Саша.— Объясни, пожалуйста, как начинается ссора.

— Очень просто,— сказал папа и отложил в сторону журнал.— Предположим, наш управдом не поладил со своим кочегаром...

— Ничего подобного! — перебила мама.— Управдом живет с кочегаром мирно, душа в душу.

— Я это для примера,— сказал папа, оправдываясь.

— С потолка не надо брать примеров! — ответила мама.

— Тогда объясни ему сама.

— Ты всегда на меня все сваливаешь.

— Я не сваливаю... Ты просто придираешься.

— Это я придираюсь?!

— Да, ты!

— Нет, ты!

— Хватит,— сказал Саша.—Я понял.

И. ГАВРЮК

«Южная правда»
г. Николаев.

«КРОНШТАДТЦЫ»

Писатель Корней Чуковский перед первой мировой войной жил неподалеку от Ленинграда в местечке Куоккала. Он завел толстую тетрадь, куда знакомые поэты и прозаики делали записи — нередко шуточные,— а художники рисовали шаржи. Тетрадь получила название «Чукоккала» и теперь достаточно хорошо известна. Некоторые взятые из нее стихи и рисунки А. Блока, В. Маяковского, И. Репина и других опубликованы.

Свыше двадцати лет назад К. И. Чуковский посоветовал писателю Юрию Арбату завести подобную же тетрадь и первым написал в нее шуточное стихотворение. Так родился «Синий альманах» — теперь уже толстый, пятитомный. На его страницах можно увидеть собственноручные записи Б. Лавренева, И. Уткина, Вс. Иванова, Якуба Коласа, Леонида Гроссмана, В. Шкловского, В. Каверина, А. Арбузова, С. С. Смирнова, Ю. Нагибина, В. Собко, рисунки Рокуэлла Кента, Жана Эффеля, И. Семенова, В. Горяева, И. Игина, музыкальные автографы Д. Шостаковича, В. Василенко и многих других.

Сегодня мы публикуем из «Синего альманаха» Ю. Арбата запись Бориса Андреевича Лавренева, сделанную 20 апреля 1942 года. Автор назвал ее так: «Эпизод из неопубликованного романа «Кронштадтцы».

...На шканцы «Авроры» вышел из командирского салона директор корпуса контр-адмирал Карцев. Он степенно прогуливался по залитой желтым блеском заката палубе, заложив руки за спину и по своей привычке пощелкивая пальцами.

При его появлении все стихло, и в мертвой тишине слышалось только сухое похрустывание адмиральских суставов. Карцева никто не боялся. Он был человеком сказочного добродушия и такой же сказочной рассеянности.

И тишина на палубе объяснялась не трепетом перед начальством, а традицией. Раз на палубе адмирал — все должно замирать.

Карцев прошелся раз пять взад и вперед и остановился у площадки трапа. Часовой — гардемарин Анненков, неподвижно застыв, смотрел на адмирала стеклянными глазами, налитыми служебной преданностью.

К трапу в это время подходила, возвращаясь с берега, шестерка. Старшиной на ней шел гардемарин Алексей Мещерский. Мещерских в первой роте было двое — Николай и Алексей. Они были близнецами такой схожести, что родная мать путала их. В корпусе они использовали свое сходство для экзаменов. Николай Мещерский, отличный математик, сдавал за Алексея все математические науки, а Алексей, который имел склонность к истории и литературе, выручал брата по этим предметам.

Преподаватели совершенно не могли разобраться, какой из Мещерских экзаменуется, да и не очень смущались этим. В результате оба Мещерских шли по успехам в первой пятерке роты.

С высоты трапа Карцев уставился на подходящую шестерку пристально и вдумчиво, и Алексей Мещерский, уловив начальственный взгляд, начал тревожиться. Если начальство так упорно разглядывает шлюпку,— значит, оно обнаружило какой-то непорядок. А за непорядок отвечает старшина шлюпки.

Поэтому Мещерский зорко оглядел гребцов, борты, банки, уложенный рангоут, руль, самого себя. Казалось, все было в идеальном порядке, и Мещерский рассвирепел.

«Черт его знает, чего он уставился, дырявый мешок?» — подумал он, мысленно наделяя адмирала этой известной всему корпусу кличкой.

Шестерка уже была под трапом. Гребцы убрали весла, и баковый зацепил багром стойку.

Тогда сверху, с палубы, раздался медленный, вялый голос адмирала:

— Гардемарин Мещерский!

— Есть, ваше превосходительство! — звонко выкрикнул Мещерский, вскочив и приложив руку к бескозырке.

Адмирал молчал, продолжая буравить гардемарина настойчивым взглядом. Молчал весь корабль. Тихо колыхалась шестерка на прозрачной зелени воды.

Наконец Карцев прервал паузу.

— С-скажите, п-пожалуйста,— произнес он с легким заиканием,— это вы или ваш брат?

На палубе и на шестерке наступило мгновенное оцепенение. Но Алексей Мещерский был не из таких, чтобы растеряться.

Изобразив на лице высшую степень уважения к начальнику, хотя внутри все у него дрогнуло от сдерживаемого хохота, он лихо ответил:

— Так точно, ваше превосходительство, вы не ошиблись. Это я.

Карцев пожевал губами и кивнул бородкой.

— Благодарю вас. Я так и думал,— сказал он и отошел от трапа.

Гардемарины-гребцы в беззвучной истерике повалились под банки. На палубе гардемарин Соколов взвизгнул в восторге, как чеченец перед боем, и, зажимая рот, вихрем промчался мимо адмирала к люку жилой палубы. Вахтенные матросы стали багровыми, тужась удержать спазмы смеха. Но он все-таки вырвался настолько явственно, что Карцев, шедший уже к люку, обернулся. Смех оборвался мгновенно.

Карцев поглядел на матросов подозрительно и сердито, пожал плечами и обронил:

— Что за веселье? Ничего смешного не вижу.

И скрылся в люке, полный достоинства и командирского величия, оставив палубу во власти самого бешеного веселья.

ВСЕСИЛЬНЫЙ КАРДАШИДИ

Идея уже была...

Уверенность в том, что каждому моряку необходим синтетический шарфик, понемногу крепла. Потому что без шарфика у моряка стынет горло и хрипнет голос.

Но одной уверенности было мало. Идея нуждалась в обосновании.

На приморском бульваре среди местных граждан в сухопутных пиджаках и широких кепи возникло нервное оживление.

— Создается новая сеть,— сообщил смуглолицый человек в синтетическом костюме.— Торговая. Под названием «Торг-мор-транс».

— Слушай, кто сказал? Кто?

— Я! — сказал смуглолицый.— Я сказал!

— Ты? А кто ты?

— Кардашиди!

Местные граждане были не из тех, у кого слово расходится с делом. Они не только сочувствовали морякам, но и жаждали им послужить.

Узнав, что на бульваре находится человек, которому принадлежит счастливая мысль снабдить всех моряков синтетическими шарфиками, потенциальные продавцы, кладовщики и товароведы вежливо зацокали языками. Затем, приосанившись, они решили перейти к делу. Но в это время круглое кепи, принадлежавшее румяному атлету, вдруг отделилось от общей массы и рванулось вперед.

— Давай пиши! Я первый! Мацкеплишвили. Сосо. Завсклад!

Однако его оттеснили другие.

— Почему ты первый?

— Почему-почему! — рассердился атлет.— Потому что мой папа — заслуженный педагог республики!

— Сыну заслуженного педагога отдается предпочтение,— веско сказал Кардашиди.— Товарищ Мацкеплишвили, подавайте заявление.

— Подумаешь, его папа! — нервно дернулся рыжий упитанный мужчина.— А у меня...

Рыжий мужчина сунул руку за пазуху, в ту сторону, где находится сердце, растолкал всех своим представительным животом и, склонившись к уху Кардашиди, шепотом сообщил кое-что...

— Это меняет дело,— вслух сказал Кардашиди.— Мацкеплишвили Сосо, вам придется повременить... У товарища Давиташвили более веские аргументы.

Нашлись кое-какие аргументы и у всех остальных. Те, у кого не было документов о трудовой деятельности, предъявили справки об исследовании желудочного сока.

Вскоре штат был укомплектован. Правда, юридически новая организация пока нигде не значилась. Но это ничего не меняло. Энтузиасты прилавка были готовы потрудиться первое время и без государственной дотации.

Нетрудно догадаться, что новое учреждение не имело не только печати и текущего счета, но и служебного помещения. Поэтому временно торг обосновался прямо на приморском бульваре, у самого моря.

Товароведы сразу приступили к изучению ассортимента, кладовщики стали подыскивать складские помещения, снабженцы спешили договориться с поставщиками. Опытный кофевар варил для всех кофе по-турецки. А экспедитор Хунциашвили исполнял обязанности секретаря.

— Вам Мацкеплишвили? Пожалуйста, дорогой,— вторая пальма направо... А вам? Ах, зав. секцией Хартикопуло! Прямо по бульвару — третий кипарис... Что? Управляющего? Нету, генацвале. Купается!..

Откровенно говоря, незадачливый секретарь существенно искажал истину. Смуглолицый руководитель нового коммерческого центра принимал морские ванны только в обеденный перерыв. Все остальное время гражданин Кардашиди стоял у входа в гостиницу «Рица» и, прикладывая большой палец вместо печати, скреплял коммерческие договора на поставку торгу синтетических шарфиков. Энтузиазм, как известно, творит чудеса. Через какие-нибудь две недели торг уже располагал таким количеством шарфиков, что ими можно было грузить пузатые катера, вместительные баржи и даже грузовые пароходы.

Руководитель торгового центра немедленно срезал со своего синтетического пиджака гражданские пуговицы и, заменив их медными, с якорями, отправился в Управление сухумского порта.

— О том, что у моряков все время хрипнет голос, я уже где-то слышал,— задумчиво сказал начальник порта, выслушав сообщение Кардашиди.— Торг нам, конечно, нужен. Можете считать, что я — «за». Только надо, чтобы вас признало Черноморское пароходство.

— Пароходство признает,— с апломбом сказал Кардашиди.— Это я беру на себя.

Пароходство к идее об учреждении торга отнеслось с редкостным сочувствием.

— Что будете продавать?

— Шарфики.

— Кому?

— Морякам.

— М-да, профиль наш... Давайте продавайте!..

Энтузиасты с приморского бульвара перекочевали за прилавок большого промтоварного магазина. Он до отказа был набит шарфиками.

Товар пошел в распродажу оптом и в розницу. Быстроходные корабли на крыльях повезли синтетический груз за пределы республики... Поговаривали, что шарфики поступают откуда-то слева. Слева от Сухуми находился Зугдиди. Трикотаж доставляли как раз оттуда. Но это, конечно, ничего не доказывало.

И вдруг к министру торговли Абхазии пришел расстроенный покупатель. Он положил на полированный стол отрез шерстяной материи и высказал предположение, что его безбожно обсчитали.

— В каком магазине? — покраснел от стыда министр.

— Не в магазине,— вздохнул покупатель,— на складе, в Торгмортрансе. Там прямо и продают...

Все торговые организации на территории Абхазии прямо или косвенно подчинены министру торговли. И все были ему известны. Но о Торгмортрансе он ничего не знал. Министр навел справку.

— Да,— сказали ему.— Есть такой торг.

В Сухуми и без того предостаточно торгов — целых пять. Они продают обувь, ткани, готовое платье и шарфики. Торгуют зубными щетками, помадой, подтяжками и, конечно, шарфиками. Предлагают покупателю хлорвиниловые плащи, капроновые авоськи и опять же шарфики.

Так зачем же понадобился шестой торг?

На жалобу покупателя министр отреагировал довольно решительно. Он предложил никому не нужную организацию сомнительного происхождения, да еще с такой подозрительной репутацией, просто-напросто ликвидировать.

— Нет,— сказал кладовщик Мацкеплишвили,— нельзя.

— Да кто вам сказал?!

— Кардашиди.

Указание министра торговли Абхазии так и осталось невыполненным. И тогда пришлось распорядиться министру торговли Грузии.

— Нет,— сказал завскладом Давиташвили.— Ликвидировать не можем. Приказ.

— Чей именно?

— Кардашиди.

И тут в дело пришлось вмешаться уже заместителю председателя Совета министров республики.

— Все равно,— сказал экспедитор Хунциашвили.— Не можем. Так нам сказали.

— Кто сказал, кто?

— Кто-кто! Кардашиди сказал!..

Так энтузиасты прилавка и остались в промтоварном магазине. Он до отказа набит шарфиками. Распродажа идет оптом и в розницу.

Поговаривают...

— Брось, слушай! Никому не верь! — сказал мне рыжий упитанный мужчина.— Никакого нарушения нету. Параллелизма нету. Шарфики продавать будем.

— Кто же это вам сказал, что нету?

— Кардашиди!

— А-а-а!

Б. ДАНЕЛИЯ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Сухуми.

— Пахать пора, а вы здесь торчите!
— Потому и торчим, что пахать пора!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

ПОЖАЛЕЙТЕ ГИППОКРАТА!

— Выпьем спиритусу, коллеги? — задал риторический вопрос Сергей Ковалев.

— Еще как! — хором ответствовали коллеги.

Выпили. Прямо в сквере у гостиницы «Ярославль».

— Мало! — определил Ковалев. — Эти микродозы меня не тонизируют. Добавим?

— Еще как! — подтвердили приятели.

Но денег на выпивку больше не оказалось. Зато у одного из собутыльников были часы. Правда, часовладелец Климов вовсе не собирался расставаться со своей собственностью. Однако это не смутило коллег. И Ковалев ставит перед своими дружками оперативную задачу:

— Вот что, коллеги. Приведите его в шоковое состояние и произведите экстракцию часов... На всякий случай слегка пальпируйте карманы. Может, там что-нибудь еще завалялось.

Дружки застеснялись.

— Неловко как-то, сокурсник все-таки.

— Sic! — согласился Ковалев.— Не будем нарушать стерильность рук. Вон видите лоботряса у ограды? Попросите его обследовать анатомию Климова.

Коллеги с радостью повиновались. Мысль о новой порции спиритус вини толкала их к действию. Лоботряс Батяев не стал отказывать в безделице и могучим апперкотом свалил подведенного поближе Климова наземь...

Тем временем на других улицах разыгрывались не менее драматические происшествия. На Центральном рынке Юрий Усанов избил девушку за то, что она не ссудила ему несколько копеек... У входа в ресторан «Москва» Борис Корытников свалил с ног инвалида на протезе... Виктор Илларионов, явившись на пост дружинника, вскоре покинул этот пост и напился. Милиционерам пришлось гоняться за своим неустойчивым помощником, чтобы отобрать у него сбитую с прохожего шапку...

При всем многообразии эпизодов их роднит одно: каждый из нарушителей изъяснялся не грубым, вульгарным языком, а изысканным медицинским. Заинтересованным лицам без большого труда удалось выяснить, что все они студенты Ярославского медицинского института. Да, именно так: Борис Корытников, этот специалист по части избиений инвалидов,— студент пятого курса; Сергей Ковалев, любитель стерильно чистых рук,— с третьего курса; Юрий Усанов — с четвертого...

Странная практика у будущих эскулапов — крушить челюсти... Вроде бы раньше считалось, что долг врача — избавлять людей от болезней. Может быть, в Ярославском мединституте открыт какой-то таинственный факультет члеповредителей?

Как же тогда быть со знаменитой клятвой Гиппократа, дух которой незримо витает в храмах медицины? О чем он толкует этот дух? Заботиться о страждущих, показывать добрый личный пример...

Но что сказал бы старик Гиппократ, познакомься он со студентами из ЯМИ? Как выразился бы он по-древнегречески, если б узнал, что только в прошлом году двадцать будущих эскулапов были осуждены за хулиганство, шесть оштрафованы за исполнение осточертевшего ярославцам пьяного самодеятельного репертуара, а одиннадцать оказались незваными гостями вытрезвителя?

Впрочем, вероятнее всего, с Гиппократом могло случиться и неожиданное. Где-нибудь у Волковской площади почтенный старец в белых одеждах мог наткнуться на пьяную компанию.

— Эй ты, старый хрыч, гони драхмы!

— Beati possidentes! Счастливы обладающие!

— Ах, он еще и выражается!

Раз — и великий врачеватель лежит на земле.

— А ну, гони часы! Что? Песочные?.. Все равно гони.

— О боги! И куда смотрит ваш институтский ареопаг?..

М. ХАЗИН,
О. СИДЕЛЬНИКОВ

г. Ярославль.

— Давай переодеваться, сегодня к твоим родителям едем.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ПЯТНА НА РЕПУТАЦИИ

— Мы никогда не ссорились, Марья Борисовна, — сказал товарищ Росман знакомой даме, — а теперь почему-то ваша Лялечка показывает мне язык и плюет вслед.

— Ах, не сердитесь на ребенка, — ответила Марья Борисовна,— она вам мстит, как умеет.

— Мсти-ит?! — изумился товарищ Росман. — Да что я ей сделал?

— А вот что! — сказала мама Лялечки и вытащила из сумки тряпку цвета давленой, перезрелой вишни с мазутными разводами. — Вот во что превратилась ее рубашонка! Разве не швейная фирма «Весна», где вы состоите заместителем директора, выпускает линючую школьную форму? Позор и стыд для ленинградского предприятия!

— Форма действительно линяет. Но при чем тут мы? Ведь ткани нам поставляет Ростокинская камвольная фабрика. Мы только шьем... Извините, я тороплюсь на работу. Как-нибудь объясню вам все...

А в то время как товарищ Росман с испорченным настроением шагал по направлению к своей «Весне», главный инженер Ростокинской камвольно-отделочной фабрики Вадим Алексеевич Кузьменков с растерянным видом стоял на улице и не знал, что делать: в него из рогатки целился широко известный второгодник Петя Фиников.

— А вот я сейчас тебе покажу! — сурово пообещал второгодник. — Почему ваша ткань линяет, а? У моей знакомой Нюськи вся шея стала фиолетовая.

— Эй, эй! Отведи рогатку-то, в самом деле!.. — запальчиво крикнул Вадим Алексеевич. — Мы тут ни при чем. Такие красители нам присылает Дербеневский химический завод.

И подросток, пряча рогатку в драный карман, сказал:

— Дербеневский? А где это? В Африке или Австралии?

Мы не стали дожидаться, пока грубый второгодник доберется до Дербеневского завода, и позвонили туда сами. Трубку взял главный инженер завода М. Н. Зиммер.

— Скажите, пожалуйста, Михаил Наумович, почему ваши красители никуда не годятся?

— А это не сон? — в свою очередь, спросил нас товарищ Зиммер.

— Почему сон? — удивились мы.

— Дело в том, — пояснил главный инженер, — что за последнее время претензий к нам просто нельзя предъявить. Наши новые замечательные красители, а именно кислотные, металлосодержащие, обладающие великолепной, упоительной колористической гаммой, должны окрашивать только то, что им окрашивать надлежит. Не более. Ибо прочность их даже выше, чем предусмотрено ГОСТом...

Мы любезно попрощались с главным инженером и, признаться, стали в тупик: фирма «Весна» ни при чем, камвольная фабрика вне подозрений; продукция химзавода безупречна и рекламациям не подлежит.

А школьная форма линяет.

Вл. МИТИН

РЕТРО ИЛИ ВЕТРЕНОСТЬ

Поэт был очень талантливым, но ветреным: ездил то в один дом, то в другой, сочинял мадригалы, писал и рисовал в девичьих альбомах. А иногда, в перерывах между мазуркой и вальсом, даже шептал очередной даме что-то на ушко... Короче говоря, несерьезно вел себя человек, несолидно.

Нельзя утверждать, что современники, как теперь говорят, проходили мимо, придерживались позиции сторонних наблюдателей. Они реагировали. Матери-княгини и графини-бабушки, сидя в гостиных, усиленно перемывали косточки ветреного стихотворца. И даже степенные, увешанные орденами отцы юных прелестниц, оторвавшись от виста, бросали в его сторону косые взгляды. Короче говоря, современная поэту общественность реагировала. Но, вероятно, ее реакция была бы куда более острой, предугадай она печальные последствия легкомысленного поведения вышеупомянутого мастера изящной словесности.

Однако оставим пока в покое ветреного пиита и поговорим вообще о старине.

Ах, доброе старое время, ах, милые сердцу воспоминания! Какие в старину закатывали балы, какие устраивали приемы! Один за другим подкатывают к ярко освещенному подъезду блестящие экипажи. Из них, легко выпархивают юные девы и выходят полные достоинства пожилые дамы. На всем ходу спешиваются красавцы кавалергарды. Благообразный привратник заботливо встречает раскрасневшихся с мороза гостей. Восхитительные наряды, ослепительные мундиры, шутки, смех... А где-то на антресолях уже гремит музыка, и вот-вот первые пары закружатся в вихре вальса...

— Позвольте,— перебивает мой современник, студент - филолог Димка Корешков,— к чему нам эти описания? И вообще, стоит ли сегодня, на пятидесятом году Советской власти, вспоминать о дворянских балах первой половины девятнадцатого века?

Стоит, Дима, стоит.

Именно теперь, в юбилейном году Советского государства, задумано осуществить реконструкцию Пушкинской площади. Многие здания, стоящие здесь, обветшали и явно нуждаются в замене. Выход один: старые здания снести, новые построить. И по этому всесторонне обдуманному плану надо, например, снести дом номер три на Пушкинской площади. А дом номер три...

Да, дом номер три трогать нельзя. Тому есть по крайней мере две основательные причины:

а) дом принадлежал Марии Ивановне Римской-Корсаковой — типичной представительнице московского общества первой четверти XIX века;

б) отличаясь широтой натуры и гостеприимством, Мария Ивановна часто устраивала балы, на которых бывала вся знать.

Есть и еще одно немаловажное соображение. Выясняется, что упомянутое строение есть не что иное, как «дом Фамусова».

Как известно, действие бессмертной комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» происходит в доме Фамусова. Немаловажный вопрос — где эта улица, где этот дом? — долго занимал умы исследователей. И вдруг все сразу прояснилось: конечно же, это дом Марии Ивановны. Появившись однажды у нее на балу, драматург увидел сразу и Фамусова, и Софью, и Молчалина, и Скалозуба. Познакомился с князем Тугоуховским, побеседовал с Загорецким, перекинулся несколькими словами с графиней-бабушкой и с графиней-внучкой. Поразительно: действующие лица будущей комедии собрались под одной крышей, как пишут товароведы, в полном комплекте и ассортименте. Вот как может иногда повезти!

Ну, а остальное уже дело простой техники: стопа чистой бумаги, остро очиненные перья, уютная лампа, и полился стих:

«Лизанька (вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается):
Светает!.. Ах! как скоро
ночь минула!
Вчера просилась спать: —
отказ.
«Ждем друга».— Нужен
глаз да глаз,
Не спи, покудова
не скатишься со стула...»

Очень хорошая создалась концепция. Очень удобная. И основанием для нее послужило, кажется, следующее место из книги известного литературоведа М. Гершензона «Грибоедовская Москва», изданной в 1914 году:

«Дом Марьи Ивановны (Римской-Корсаковой) в 1816—1823 гг. во всех отношениях типичный дом грибоедовской Москвы. Как раз в эти годы (1818 и 1823) и как раз в том кругу, к которому принадлежала семья Римских-Корсаковых, Грибоедов, наезжая в Москву, наблюдал московское общество; в эти же годы был и создано «Горе от ума». Грибоедов несомненно с детства знал Марью Ивановну, и очень вероятно, что в эти приезды он бывал в ее доме».

Хотя Гершензон ничего определенного не утверждает, а лишь высказывает предположение...

Хотя ближайшие друзья А. С. Грибоедова, подробно описывая, где бывал и с кем встречался он во время наездов в Москву, нигде дома Марии Ивановны не упоминают...

Хотя во время второго, наиболее продолжительного пребывания в Москве в 1823 году драматург уже имел два готовых действия «Горя от ума» из четырех...

Хотя портативная формула «пришел, увидел, написал» при всем ее удобстве малопригодна для объяснения того, как рождается то или иное художественное произведение...

...Дом Марии Ивановны было решено считать «домом Фамусова»!

И стоит он, этот неказистый с виду двухэтажный особняк, незыблемо и неколебимо. После Марии Ивановны он побывал в руках разных владельцев (перед революцией здесь размещалась 7-я дворянская Александра III мужская гимназия). Он десятки раз перестраивался, и от прежнего его вида не осталось почти никаких следов. Он не может быть принят за шедевр архитектуры.

Но тронуть его нельзя. Вот так-то, друг Дима. А ты говоришь: при чем тут балы?..

А теперь о ветреном поэте, о котором мы упоминали в самом начале. Было время, когда он наезжал в усадьбу вельможи Р. Не просто наезжал, а по сердечным делам. И тому имеются вполне достоверные свидетельства. Например, утверждение авторитетного ученого о том, что у Р. были две незамужние дочери и одной из них поэт «увлекался в зиму 1826/27 года». Несомненно веским является и показание современника, друга поэта. Он пишет о нем, что тот «начал так же таскаться» по гостиным Р. «Но я там с ним не был и не знаю, как идет там его дело. По словам его, он опять привлюбляется».

Очевидно, этот процесс не зашел далеко, так как наш герой полюбил другую женщину и женился на ней. Но одно остается непреложным: усадьба Р. должна быть объявлена заповедной. А как же иначе? И уже составляются сметы, изыскиваются средства на реставрационные работы, подбираются экскурсоводы. Хотя архитектурных и культурных ценностей, на восстановление которых стоило бы тратить народные деньги, в усадьбе нет, заповедовать нечего и повод для устройства экскурсий отсутствует. Вот расплата за ветреность!

Своим фельетоном я совсем не хочу принизить значение развернувшейся в последнее время работы по охране памятников старины. Энтузиасты-добровольцы, объединенные во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры, делают большое и полезное дело. Единственная моя цель — предостеречь современников от неосмотрительных шагов.

О нынешние барды, пииты и бояны! Не будьте ветреными, не допускайте случайных, непродуманных сердечных возгораний! Иначе нашим потомкам придется объявлять заповедными целые кварталы и вывешивать охранительные таблички на десятках магистралей подряд... Это будет ужасно!

А уж если вам захочется заглянуть на какой-нибудь приветливый огонек, то, прежде чем переступить порог дома, оглянитесь вокруг. И если заметите неподалеку вашего будущего биографа, сделайте вид, что просто прогуливаетесь, дышите свежим воздухом. И совсем не намерены обессмертить какую-нибудь крупноблочную хибару, которой на роду, увы, написан недолгий век...

М. СЕМЕНОВ

P. S. Когда этот фельетон был уже написан, в «Литературной газете» под рубрикой «Мнение писателя» появилась статья Ираклия Андроникова. Писатель озабочен судьбой дома № 3, являющегося, по его словам, олицетворением «грибоедовской Москвы» и «пушкинским уголком».

Позвольте, где-то мы уже читали об уголке. Ах да, у современника и друга Пушкина — П. А. Вяземского:

«Это разве часть, закоулок Москвы. Рядом или над этой выставленной Москвою была другая, светлая, образованная Москва».

И. Андроников пишет о необходимости сохранить здание на Пушкинской площади, «столь важное по своему историческому, литературному и бытовому значению». И действительно, в доме М. И. Римской-Корсаковой собиралось блестящее общество. Только вот какое?

Тот же М. Гершензон пишет о нем как о *«пустом, веселящемся, сплетничающем, беспечном обществе»*. И, не имея марксистской подготовки даже в объеме кандидатского минимума, вскрывает социальные корни этого общества: «На злачной почве крепостного труда пышно-махровым цветом разрослась эта грешная жизнь, эта пустая жизнь», «балы и пикники, весь «добросовестный, ребяческий разврат» их быта».

Наконец, И. Андроников в своей статье пытается представить Марию Ивановну Римскую-Корсакову как просветительницу и даже некую бунтарку.

Но в десятках свидетельств ее современников нарисован совсем иной портрет: крепостница, пресмыкавшаяся у ног царей и цариц, кутила, мотовка, посвятившая *всю жизнь охоте* за женихами для своих дочерей.

«Отрадно думать, что ее век кончился»,— писал М. Гершензон в 1914 году.

Заявление очень рискованное и преждевременное, поскольку увековечение дома № 3 означает по существу и увековечение имени его владелицы.

«Как было бы хорошо для истории сохранить особняк на Пушкинской площади! Как хорошо — для культуры! И как важно для современности!» — пишет И. Андроников в 1967 году.

Нельзя не заметить, что между прежними исследователями, а также живыми свидетелями «грибоедовской Москвы» и ее современными ревнителями возникает некое противоречие...

М. С.

В ПОВЕСТКУ ДНЯ!

Банкетно-заседательские страницы

Кое-где к совещаниям, собраниям, слетам, конференциям и прочим публичным собеседованиям наблюдается прямо-таки аскетическое отношение. Кое-кто пытается свести дело к голой повестке дня, призывает ораторов не выходить за рамки регламента и спешит свернуть обсуждение, не дожидаясь, пока каждый участник выступит по третьему разу. О банкетах, памятных сувенирах, специальных концертах и тому подобных приятностях нечего уж и заикаться.

А между тем за последнее время в заседательскую практику широко вошли неистово-хлебосольные формы обслуживания заседающих. Уже не редкость видеть, к примеру, участника двухнедельной областной ассамблеи новаторов мусоровыгребного хозяйства, который возвращается с заключительного банкета зигзагами, время от времени роняя на проезжую часть дарственные папки с монограммами, именные блокноты, значки и авторучки, а также гостиничные квитанции за проживание в «полулюксе». И сразу видно, что устроители ассамблеи — люди радушные, гостеприимные и уж, конечно, не мелочные.

Таким организаторам ничего не стоит командировать представительную делегацию в составе 40—50 человек для обмена опытом, скажем, из Молдавии на Камчатку или с Кольского полуострова в Туркмению. Им ничего не стоит, а государству... Впрочем, точные цифры — это уже по линии органов народного контроля и Министерства финансов.

Не желая оставаться в стороне от великой заседательской страды, Крокодил тоже созвал совещание своих авторов, результаты которого перед вами — на этих трех страницах. К сведению народных контролеров сообщаем, что оно продолжалось 23,5 минуты и обошлось в 4,5 пачки сигарет, купленных, разумеется, за свои личные наличные...

И жить торопятся и чествовать спешат...

Рисунок О. КОРНЕВА

Ахмед ИСХАК

ОПЕРАТИВНОЕ СОВЕЩАНИЕ

Два чинуши
С прений долгих
Освежиться вышли
к Волге.
Вот песчаная коса.
Вдруг раздался крик:
«Спаса-а!..»
— Тонет кто?
Что делать будем?
— Неотложнейший
вопрос!
Так давай его обсудим
Срочно,
Экстренно,
Всерьез.
— Торопись!
Не быть бы худу!
— Вмиг вопрос
мы разберем!
Будешь предом,
Я же буду,
Как всегда, секретарем!..
— Поскорее!
Довод веский...
Секретарь
в проект повестки
Внес:
«О тонущем в реке
Неизвестном пареньке».
Быстро —
Долго не рядили! —
Утвердили,
Обсудили,
Секретарь скорей
старался
Протокол оформить!
Но...
Утопавший не дождался
И — буль-буль! — пошел
на дно.

Перевел с татарского
Иван ЗАКОНОВ.

Банкет по поводу закладки нового цеха.

Рисунок С. АЛЕКСАНДРОВА

ИСПОВЕДЬ

Все смешалось в доме Кар
Иванович Карпов, начальник о
Одесско-Кишиневской дороги,
после полуночи. Жена встрети
от слез.
— Где ты вечно пропад
она.— Терпению моему пришел
— Где? — изумился Алексей
работе!
— Тебя никогда нет в каби
ты не отвечаешь. Ты не был
бя в глаза не видел станционн
Я теперь поняла, что ты дел
время...
— Любопытно! — сказал Кар
делаю?
— Вот что: а) пьянствуешь
преферанс, в) бегаешь на футб
мне направо и налево.
Алексей Иванович сел на т
был в кухне) и сказал жене:
— Дорогая, ты права!
— Ах! — крикнула жена и
другой табурет.— Один выход
— Я тебе во всем сейчас чи
знаюсь. Пусть после этого бу
Слушай мою исповедь.
...Я ушел в семь часов утра
но начал «пьянствовать» на
нии Одесского отделения. Мо
у старшего диспетчера товар
В 7 часов 40 минут я бегу в
на планерку станционной сме
Уже в совершенно «пьяном» в
присутствующим о важности
ния по погрузке и выгрузке.
Потом иду «опохмеляться» н
ку — по разбору работы ночн
диспетчером кого хвалим, ког
никто не слышит: участники
проработали 12 часов, притоп
за 3—4 километра и теперь
звуки наших речей.
Еще не успев «протрезвить
юсь в своем «разгульном» пов
заняться спортом.
Как заядлый спринтер, бегу
торное совещание отделения.
чальник отдела эксплуатации
сутствует и сам начальник от
Они расспрашивают о всякой
ке, выгрузке... Я докладываю
жду вызова час. Уйти нельзя:
еще о чем-нибудь спросить, а
дет, нагорит.
— А где ты был в двенадц
спросила супруга.— Болтался
ресторане с какой-нибудь кра
— Гм, красуля... Если рук
и станции можно назвать
нашего свидания — Одесский
моряки и железнодорожник
другу всякие любезности о ра

— Вы опытом обмениваться? А наши все к вам уехали!

Рисунок М. СОКОЛОВА

ПРОЕКТЫ ПОДАРОЧНЫХ ЗНАЧКОВ К ТОРЖЕСТВЕННЫМ ЮБИЛЕЯМ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Едут в гости делегаты...

Очень многим нужен опыт.
Кто из нас узнать не рад,
Как растить в Сибири
хлопок,
В Заполярье — виноград?
В летний зной и в зимний
ливень
Каждый день из года в год
Так колхоз гостеприимен,
Что валит в него народ.
Есть ли праздничные даты
Или даты далеки —
Прилетают делегаты,
Местной кухни знатоки.
Им сперва размяться надо,
Чтобы вызвать аппетит.
Прогуляются по саду,
Будет хлопок не забыт.
Для приличья даже спросят
У общительных людей,
Сколько им теперь приносит
Трудодень живых рублей.
Восхитятся в полной мере,
Что колхоз богат весьма,
Всем, чего достичь сумели
Люди здравого ума.
Оживленные вначале,
Пополудни, возле двух,
Делегаты заскучают,
Сразу скиснут как-то вдруг.
Делегат — он тоже грешен,
Закусить не против он,
И ведут его поспешно
В специальный павильон.
У людей взлетают брови,
Что ни речь — волшебный
стих.

Это значит, запах крови
Уловили ноздри их.
Шкура сохнет на дувале,
Вызывая интерес,
Сколько шерсти настригали
И какой в барашках вес.
Там цветами стол украшен,
Даже более того —
Ждут плоды садов и пашен
Истребленья своего.
Что за вазы, что за рюмки,
Как хозяева щедры!..
И роняют гости слюнки
На текинские ковры.

Я там был, пил мед и пиво,
По усам моим текло.
Ноги в пляс пойти просило
Виноградное тепло.
Все с душою нараспашку
Угощали там меня
Нежным пловом из барашка,
Колбасою из коня.
В обстановке подходящей,
Посреди прохладных стен
Состоялся настоящий
Сложным опытом обмен.
Гости в этом самом деле
Оказались хоть куда:
Много пили, много ели,
Много пели без труда.
Счет потом им не был
подан —
Заплатить за все должны
Хлопкоробы, хлеборобы,
Садоводы, чабаны.
Едут в гости делегаты
У народа на виду.
Едут с опытом богатым
Не на радость — на беду.
Ох, уж этот горький опыт
И его хмельной обмен!
Каждый рубль, что даром
пропит,
Не вернешь ничем взамен.
Здесь обмен такого рода
Пользой славится двойной:
Сметой адского расхода,
Адской болью головной.

Игорь ЛАШКОВ

НАЧАЛЬНИКА СТАНЦИИ

оповых. Алексей
дной из станций
явился домой
ла его опухшая

аешь? — сказала
конец!
Иванович.— На

нете. На звонки
причалах. Те-
ный диспетчер...
аешь в рабочее

опов.— Что же я

, б) играешь в
ол, г) изменяешь

абурет (разговор

хлопнулась на
— развод!
стосердечно при-
дет хоть развод.

и незамедлитель-
планерке-совеща-
жешь справиться
ища Проскурни.
красный уголок,
ны — «добавить».
иде я напоминаю
выполнения зада-

а третью планер-
ой смены. Мы с
ругаем. Но нас
ночной смены
али на планерку
сладко спят под

ся», я раскаива-
ведении и решаю

. Бегу я на селек-
Его проводит на-
Кожушко. При-
деления Дейнега.
всячине: погруз-
пять минут, а
могут вызвать и
если меня не бу-

ать часов дня? —
в приморском
сулей?
оводителей порта
расулями. Место
порт. Там мы,
и. говорили друг
орте за истекшие

сутки, вносили соблазнительные предложения, строили планы на очередные сутки. Так мило проведя время, я снова бегу. Но не на футбол, как ты думала, а на родную станцию, ибо в половине восьмого начинается новая планерка. И там я снова завожу шашни со сменой, вступающей на ночную работу.

Я продолжаю тебе «изменять» и в половине девятого со сменой, работавшей днем. В 9 часов вечера я «доизменил» тебе с заместителем начальника отделения Павличенко, которому передавал по телефону доклад о работе за сутки.

С 10 до 11 вечера я «играю в преферанс» на селекторном совещании со всеми начальниками станций. Совещание проводит тот же товарищ Павличенко. Я снова докладываю устно, ибо рапорт, переданный час назад, не в счет: нужен личный контакт.

Да, дорогая, если совещания считать за попойки, то я скоро захвораю белой горячкой и буду чертиков ловить. Кроме того, я «пьянствую» два раза в неделю в отделении, а затем и в управлении дороги, куда нас вызывают для личных докладов. Не успеешь «протрезвиться» — зовут на совещания в райком, райисполком, горсовет, горком. И все в обязательном порядке.

Самый безумный «разгул» у нас по пятницам. Мы «прожигаем» жизнь в управлении дороги и Черноморском пароходстве на совещаниях командиров порта и станции...

Жена сидела вся в слезах. Пока муж исповедовался, она успела полюбить его за муки.

— Но почему ваше начальство так любит совещания? — наивно спросила она.

— Дорогая моя! Порядок этот диктуется сверху. Министерство путей совещания... тьфу, сообщения, в одной только декаде провело четыре селекторных совещания с командирами управлений и отделений. Их проводили зам. начальника главка движения товарищ Альтерман, зам. министра товарищ Начученко, а два совещания самоотверженно провел зам. министра товарищ Гундобин. Так нам ли, низовым работникам, менять этот порядок?

Я иногда удивляюсь, как меня не уволят. Ведь из-за бесконечных совещаний я не успеваю иной раз и на причалах побывать, и с диспетчером потолковать, погрузкой-выгрузкой вплотную заняться. Вот, думаю, зашьюсь окончательно, по этому поводу созовут еще одно совещание, на котором будут выяснять причины моего разгильдяйства, безделья и разболтанности...

— Бедный ты мой! — плача, сказала жена.— Иди поспи хоть немного.

Алексей Иванович поглядел на часы и ахнул:

— Половина седьмого! Надо бежать на планерку, отчитываться за первую половину суток. Береги детей, дорогая, не забывай меня...

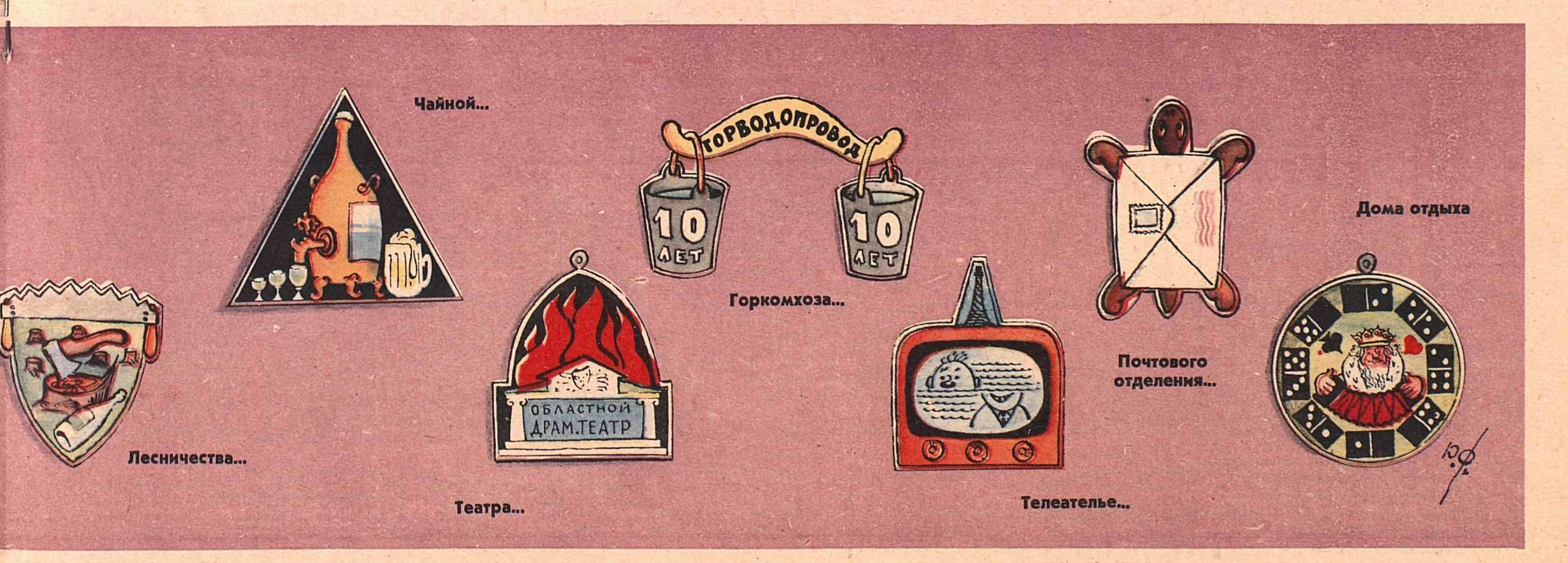
И он умчался.

Б. ФЕДОРОВ,
Л. АЛЕКСАНДРОВА

— Наш завод вызывает ваш завод на соревнование!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

ВЛАДИМИР ИВАНОВ

СТРАНИЦА ПОЭТА

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

**Глазами старожила —
С путевкой Крокодила**

Итак, со справочником — в путь!
Хочу глазами старожила
На Невский давешний взглянуть.
На Невском много блеску было.
Шуршали шины по торцовой
Великолепной мостовой,
А у зеркал швейцар суровый
Сверкал тяжелой булавой.
В ночи сияла красотою
Адмиралтейская игла.
Она далекой,
Золотою
И безучастною была.
На «бегемоте» у вокзала,
Ступни просунув в стремена,
Свиною тушей восседало
Царь-Пугало из чугуна.
А в жизни царствовали банки,
Они на Невском торг вели
На марки, стерлинги и франки,
Пиастры, доллары, рубли.
Здесь продавались эполеты,
Штыки, военные секреты,
И убежденья, и чины,
Министры, совесть, кабинеты
И прочее за полцены.
Отрада наглых протобестий,
Питомник грязных надувал,
Гостиный двор
На бойком месте
Всем, чем хотите, торговал.
Барыш — коммерции основа.
Бери! Хватай! Чего тут ждать!
За лишний грош отца родного
Могли аршинники продать.
Под теплым кровом шумной Думы
Мудрили города отцы —
Дельцы, пройдохи, толстосумы,
Попы, заводчики, купцы.
Ловчила пестрая семейка,
Понапустив густой туман,
На нужды города — копейка,
С копейки рубль — себе в карман!
На Невском важные персоны
Сидели крепко до грозы —
Превосходительства, бароны,
Высокородия, тузы...
«Авроры» залп, как гром, разнесся,
И на века в пейзаж вошла
Штыком советского матроса
Адмиралтейская игла.

МЕЖПЛАНЕТНАЯ КРИТИКА
тов. Д. Е. МАГОГОВА

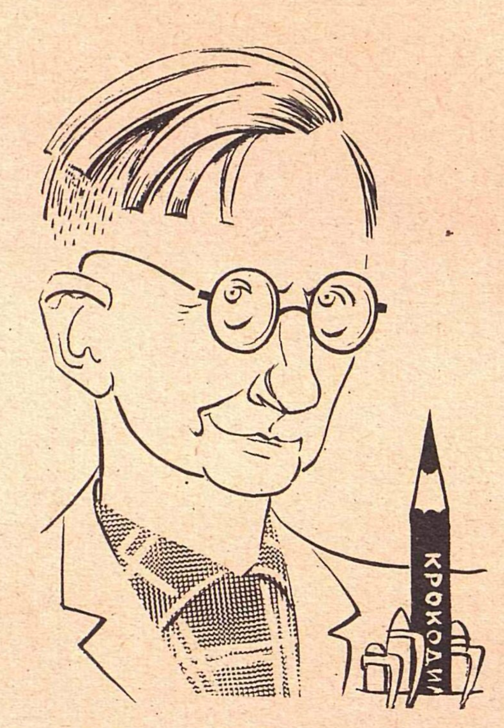
Товарищи! О всей галактике
Я говорить не буду, нет!
Но приведу, пожалуй, фактики
Из жизни Солнца и планет.

Работу Солнца ценим все мы,
Ему привет, хвала и честь!
У нашей солнечной системы
И недочеты все же есть.
Сказать должны мы Солнцу внятно,
Без ухищрений,
Напрямик:
— Товарищ Солнце,
Ваши пятна
Темнят ваш светозарный лик!

Теперь коснемся полумесяца.
Порою узкий тонкий серп,
Скажу вам прямо, еле светится,
Наносит зрению ущерб.

Вполне, товарищи, резонно
Затронуть критикой Плутон.
Он на орбите удаленной,
Так оторваться может он.

А у Юпитера излишества,
Он многолунный опекун.
Ведь не секрет: довел количество
Он до одиннадцати лун.
Пора спросить его:
— А качество?

Дружеский шарж Н. Лисогорского

И все ли луны впредь нужны?
Повысив сорт, вполне достаточно
Иметь всего две-три луны.

Да есть грешки и за Венерою.
Соседка Солнца!
Но она
Не очень чистой атмосферою,
Мне кажется, окружена!..

Я брал космические фактики...
Но, очевидно, и своей
Земной
Коснуться должен практики
Серьезней,
Глубже
И смелей.
Ошибки вскрыть неукоснительно!
Пусть это будет тяжело,
Но должен я сказать решительно...
Простите, время истекло!..

БУКА

Саженный рост. Глаза, что плошки.
Клычища. Хвост. Кривые рожки.
До дрожи
Букою когда-то
Стращали маленьких ребят.
А нынче даже дошколята
Не верят.
— Сказки! — говорят.—
Давно доказано наукой,
Что бука — выдумка и вздор!..
А вот у взрослых встречи с букой
Еще бывают до сих пор.

* * *

...Окончил парень институт
И прибыл, радостный, в селенье.
Сбылася мечта!
Начну свой труд
На славной ниве просвещенья!
В глазах задор и торжество,
Мечтами молодость богата.
А бука сразу же его
Водой студеной из ушата:
— Жилье? Ага. Эге. Угу.
Есть место. Временно. В чулане.
А потеплее дать могу
На огороде, в старой бане.
Дрова? Угу. Эге. Ага.
Я в записной помечу книжке:
В морозы будет кочерга,
К весне, возможно, и дровишки.
И долго-долго в лад пурге
Гудит: — Угу. Ага. Эге.

* * *

...Бесхвостый бука и безрогий,
Но с ним никто не ищет встреч.
Идет он, сумрачный и строгий,
И ждет, кого б ему распечь.
Найдет. Шумит. Гремит. Грохочет.
Снимает стружку и песочит.
Пилою ржавой нудно пилит.
Грозит, пугая и кляня.
Затем взыскание пришпилит —
На всякий случай —
Знай меня!

* * *

...А иногда дотошный бука
Организует вечера.
С ним каждый раз дежурит скука —
Его любимая сестра.
Приди, сиди, томись тоскою.
Удрать домой захочешь — стоп!
Сам бука собственной рукою
На ключ защелкнул гардероб!
Он, как известно, не саженный,
Он без щетины и копыт.
Примета главная — страшенный
И вечно букою глядит.
Но пусть подскажут дедам внуки
И взрослым всем дадут наказ:
— Не вы должны бояться буки,
А пусть боится бука вас!

БЮРОКРАТ — СНЕГОВИКУ

«Отвечаю на Ваш запрос:
По вине мастеров неумелых
Вам недоданы шляпа и нос.
Сообщаю о принятых мерах:
Надлежащая шляпа-кастрюля
Будет дослана Вам до июля.
Нос морковный Вам летом на грядке
Будет выращен в спешном порядке.
Шлю Вам самый горячий привет
И желаю Вам жить много лет!»

СТАРУШКА СТРУЖКА

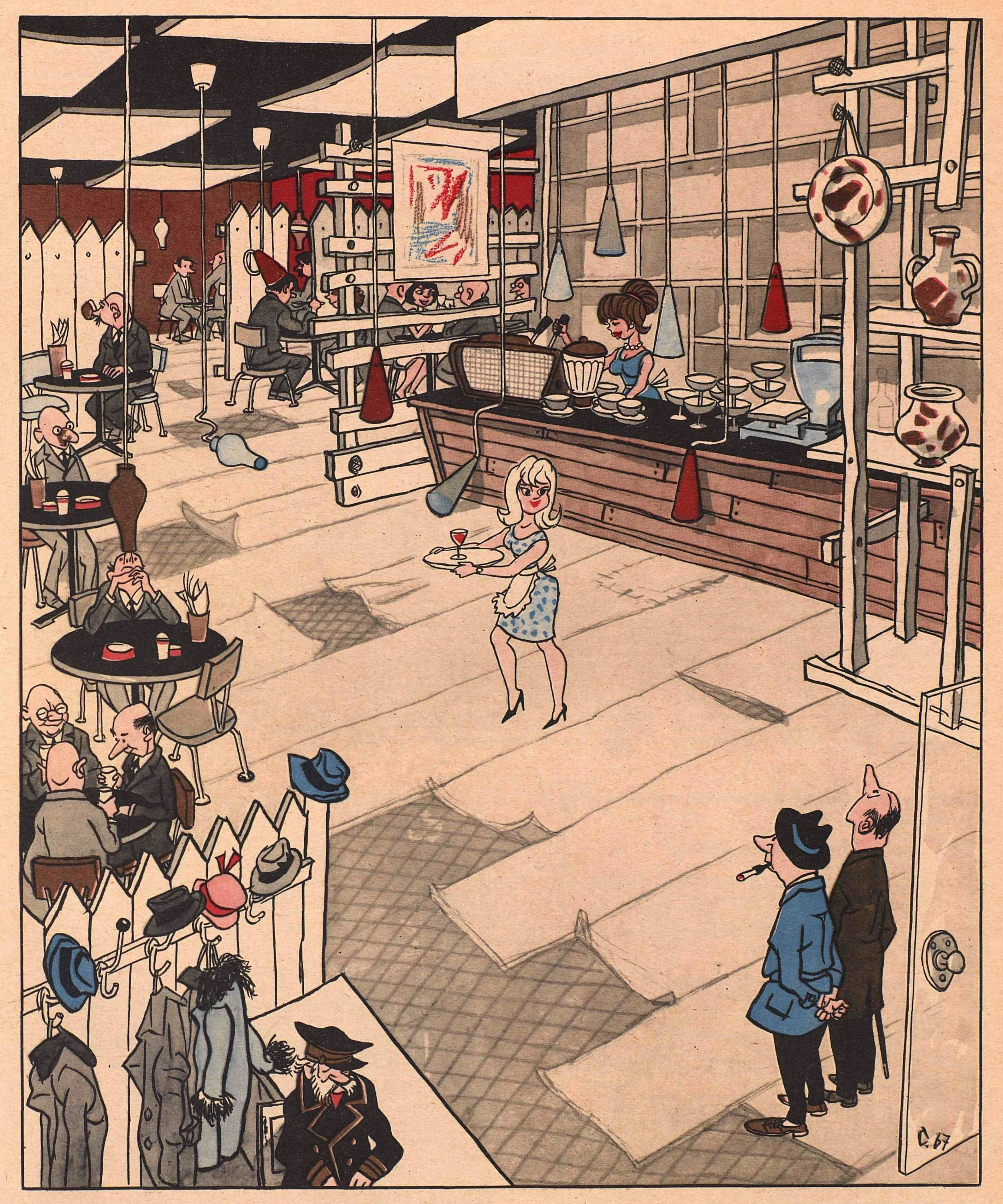
Старушка стружка! Кто ей рад?
Для всех она в убыток.
О ней с досадой говорят:
— Тяжелый пережиток!

— Большие траты! — строг и сух,
Скользит по рубрикам главбух.—
На цифры страшно посмотреть,
Неужто нет управы?
Старушка ест и сталь, и медь,
И дорогие сплавы.
Старушке стружке хоть вагон,
Хоть эшелон металла —
Любой поглотит рацион,
Причмокивая: «Мало!»

Сердитый главный инженер
Решил с шамана взять пример.
Взывает:
— Сгинь, косматая,
Злодейка распроклятая!..

Директор носится, что шквал:
— План под угрозой! Я пропал!..
Металла слезно просит.
И половину — не секрет —
Старушке стружке на обед
Любезно преподносит.
Она большую дань берет
И громко с присвистом поет:
— Повырасту горою,
Завод с трубой укрою.
А если вытянусь в длину,
Задену запросто Луну.
Я пухлая, я цепкая,
Мое здоровье крепкое!

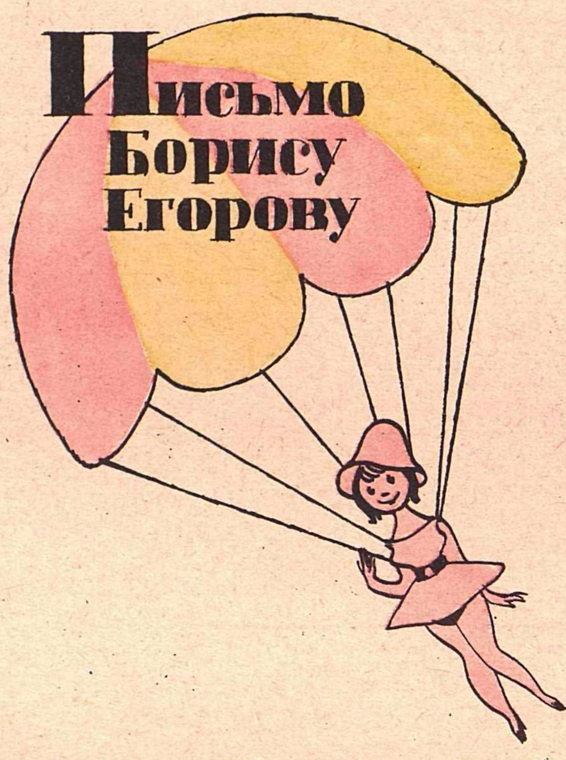
Она теряет сразу вес
Там, где технический прогресс.
Среди технических чудес
Седая жить не может.
А перьев скрип и жар словес
Старушку не тревожат!

— Не поймешь, где кончается модерн и где начинаются недоделки...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Письмо Борису Егорову

30 миллионов читателей США ежедневно видят и читают в газетах остроприключенческие комиксы — серии рисунков с короткими подписями. Среди героев этих комиксов — бравый командир американской подводной лодки Баз Сойер, командир советской подводной лодки Борис Егоров и его жена Липа Джампски. Естественно, я не мог не откликнуться на эти комиксы — хотя бы потому, что я тоже Борис и тоже Егоров,— и решил обратиться с письмом к командиру таинственной советской подлодки.

Дорогой Борис!

Очень рад был узнать, что у меня существует еще один знаменитый тезка. До сих пор я знал только двух — прославленного врача-космонавта и московского слесаря, Героя Социалистического Труда.

Теперь появился третий. Это Вы — командир советской шпионско-диверсионной подводной лодки, действующей у берегов Соединенных Штатов.

У меня, как у сатирика и фельетониста, не могло не вызвать улыбки название Вашей подлодки — «Кавиар», что, как известно, в переводе на русский означает «икра». Это — остроумное, но все же недостаточно удачное название. Можно было дать грозной субмарине другие, более аппетитные питейно-гастрономические названия с истинно русским колоритом: «Столичная», «Перцовка», «Похлебка», «Запеканка», «Солянка», «Окрошка», «Ботвинья», «Тюря», «Кулебяка», «Капуста», «Клюква», «Брюква», «Тыква», «Селедка», «Редька со сметаной». Это было бы, кстати, и более конкретно, определенно. А то вдруг — «икра». Какая икра? Черная? Красная? Зернистая? Паюсная? И вообще, зачем метать икру у берегов Соединенных Штатов?

Зато меня очень порадовало действительно русское имя Вашей жены — Липа. Что касается фамилии — Джампски, то она также очень распространена у нас в России, особенно на Валдае, в Киржаче, Сарапуле и Баковке.

Ваша Липа — женщина безусловно очаровательная, чертовски обворожительная. Будучи балериной Большого театра, она так виртуозно владеет своими бедрами, что не очень стойкие защитники американских свобод сразу поддаются ее пленительным чарам. И тогда прощай их буржуазная идеология! Я уже не говорю о морали.

Таким манером Липа, разумеется, могла бы совратить с капиталистического пути все пятьдесят штатов, если бы не супермен, командир американской подлодки непреклонный и ужасно волевой Баз Сойер. На зовущие улыбки Вашей супруги и на движения ее соблазнительных бедер он никак не реагирует. Козни опасной дамы — красной агитаторши цели своей не достигают. Эмоции стойкого супермена могут возбудить, видимо, лишь отечественные, голливудские женские формы. Вот он, стопроцентный американец! Его на Липе не проведешь!

Теперь о Вас. Вы, капитан Борис Егоров, действуете, конечно, отважно. Судя по прессе, вы опытный и опасный морской волк. Но Баз Сойер все же опытнее. Он постоянно преследует Вас и наносит «Икре» удары то по носу, то по корме, демонстрируя мощь и несокрушимость американского оружия и поднимая тем самым у читателя боевой антикоммунистический дух.

Признаться, я ожидал от Вас большей находчивости и изобретательности. Вы представлены как коварный большевик, так и будьте коварным. Неужели не могли Вы, допустим, подкупить База Сойера паюсной икрой, которой, как надо понимать, полны отсеки «Кавиара»? Если он остался равнодушным к Липе, то перед икрой он бы наверняка не устоял.

Или можно было бы по подземным коммуникациям проникнуть на подлодке в самый центр Америки и взорвать изнутри ее канализационную сеть. Вот был бы потоп! Да к тому же весьма своеобразный.

Неплохо было бы также переоборудовать «Икру», чтобы она стала одновременно и подлодкой, и самолетом, и вездеходом.

Тогда Вы быстренько закидываете База Сойера глубинными бомбами, он идет на дно к рыбкам, Вы летите на Вашингтон и сбрасываете на Капитолий свою неотразимую Липу. Липа так очаровывает конгрессменов, что они, потеряв здравый мужской рассудок, немедля голосуют за присоединение Соединенных Штатов к Кашкадарьинской области.

Конечно, одной Липе будет трудно. Тогда на Капитолий надо сбросить целый десант — весь кордебалет Большого театра плюс манекенщиц из Московского Дома моделей.

Представляете, появляется над Вашингтоном «Икра» («Солянка», «Запеканка», «Развесистая клюква») и под музыку танца маленьких лебедей начинает метать парашютисток в балетных пачках и манекенщиц в элегантных нейлоновых пижамах. Они окружают конгресс, и Капитолий капитулирует.

Да мало ли что может быть в американских газетных комиксах, героем которых Вы, по несчастью, оказались!

Понимаю, многое не в Ваших силах. Все в руках авторов комиксов.

Но между нами, тезками, говоря, возможно, Вы что-то сумеете посоветовать им? Ведь комиксы с Вашим участием, с участием Вашей жены и База Сойера разглядывают 30 миллионов американцев. Надо бы авторам как-то взбодрить свою фантазию, придумать что-то поинтеллектуальнее. Жили ведь когда-то в Америке остроумные люди. Неужто перевелись? Посмотришь на эти комиксы — очень уж примитивненько. Так, дешевая антисоветчина. Типичная липа.

Очень сожалею, что Вас впутали в эту трехцентовую историю.

Привет Вашей очаровательной супруге, по которой так безутешно тоскуют зрители Большого театра. Очень часто вечерами у его массивных колонн можно слышать разговоры любителей хореографического искусства.

— Скажи, милок, а пошто Липа-то Джампски нонче не пляшет? — спрашивает один.— Уж больно на Липу поглядеть хотца, балетушки хотца.

— Ты откуда приехал? — удивленно отвечает другой.— Не знаешь, что ли, на подводной лодке Липа по Москва-реке уплыла в Нью-Йорк. С секретным подрывным заданием от Тимирязевского райисполкома. Американца агитировать.

Вот так-то, дорогой тезка!

С пожеланием быстрее окончить затянувшуюся морскую дуэль с Базом Сойером и счастливо возвратиться на Н-скую базу подводных лодок в степи под Талды-Курганом.

Борис ЕГОРОВ

Михаил РАСКАТОВ

Забота пуще неволи

Сенатор Анонино изложил в филиппинском парламенте проект закона, который приравнял бы условия жизни солдат к положению служебных собак. По нынешнему военному бюджету на содержание служебной собаки ассигнуется два с половиной песо в день, а содержание солдата обходится в одно песо.

●

Добрейший мистер Анонино,
Слезами увлажняя речь,
Призвал родные Филиппины
Солдата холить и беречь.

Ах, как любить солдата надо!..
Каким вниманьем окружить!..
Короче, сделать жизнь солдата
Похожей на собачью жизнь.

Пускай шумит об этом пресса,
Пускай полки кричат «Ура!»
Добряк к единственному песо
Еще подкинет полтора!

За что же гуманист-сенатор
Намерен денежки платить?

А очень просто:
Всех солдат он
Не прочь в бульдогов превратить!

Чтоб словно псы, бросались сами
Бездумно выполнять приказ,
Чтоб, мертвой хваткой во Вьетнаме
Душили по команде «Фас!»

...Как ты услужлива, Манила!
Отдав на откуп честь и стыд,
Солдата ты не оценила,
И, как собака, он убит!

Согласно высшим интересам,
Конец один — куда ни кинь:
Солдату — месса,
Банкам — песо...
Все в руце господа.
Аминь!

Мечтая обзавестись собственным ядерным оружием, боннские милитаристы с нескрываемым озлоблением относятся к договору о нераспространении ядерного оружия, проект которого ныне обсуждается.

— Боюсь, что я не смогу подписать этот договор: у меня будут заняты руки!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

ВИЛЫ В БОК!

Жертва рекорда

Прочел я в вашем уважаемом журнале (№ 5) заметку «Следы на снегу» о том, как гражданке Щепиной в Кемерове месяцев шесть изготовляли сапожки на меху. Прочел и не понял: зачем писать о таком пустяке? Полгода — разве это срок? Вот мне в Жешартской мастерской Усть-Вымского комбината бытового обслуживания (заведующая тов. Матвеева) обыкновенные яловые сапоги не шьют, а только ремонтируют полтора года.

Кемеровцам, *конечно*, не побить такого рекорда. А по моему карману он бьет со страшной силой. Стараясь вызволить застрявшие сапоги, я ездил из села Гам, где проживаю, в село Жешарт двадцать (20) раз да два раза в село Айкино, где расположена контора комбината. Затратил на эти экскурсии в общей сложности 11 рабочих дней, что безжалостно унесло из моего бюджета 55 рублей. На эти деньги можно было бы купить две пары новой яловой обуви, да еще один сапог получить в придачу.

Надеюсь, теперь тов. Щепина поймет, что ей *следовало не жаловаться на* кемеровских обувщиков, а рассыпаться перед ними в благодарностях за оперативную работу.

С. НЕКРАСОВ

с. Гам, Коми АССР.

Уважаемый шкаф

Получив задание выпускать книжные шкафы, работники Краснодарского мебельно-обделочного комбината засучили рукава, и вскоре потребитель получил то, что соответствовало артикулу 7050/2 и цене 89 рублей.

Теперь на первых двух полках книголюбы могли с успехом разместить книжки, сделанные видными русскими умельцами (размером от спичечной головки до ногтя). На двух других — пудовые энциклопедические словари.

Что касается книг обычного формата, то и тут все было предусмотрено. Эти книги тоже хорошо укладывались. Под шкаф, меж тоненьких ножек, которые высотой по 30 см.

Итак, все было относительно нормально, если не считать того удивительного факта, что работники комбината, причастные к изготовлению книжного шкафа, видимо, не только не читали книг, но даже и не видели их в глаза.

А. Х.

Дорогой Крокодил!

В твоем № 32 я прочел заметку «Как ему повезло». О том, как гражданин Скоробогатов, проживающий в гор. Орджоникидзе, выиграл по лотерее 1 рубль и что из этого вышло. Прочитал я, посмеялся, а потом вспомнил, что и у меня тоже есть лотерейный билет. Дай, думаю, проверю. Взял газету с таблицей выигрышей и глазам не верю: выиграл. И *тоже 1 рубль*.

Пошел я в сберкассу, а там мне и говорят (точь-в-точь как Скоробогатову):

— А вы где живете?

— В городе Джанкое, — отвечаю. — Как и вы.

— Мы-то живем, — говорят в сберкассе, — да рубли не выигрываем. Поезжайте в Симферополь. Там выигрыши выдают. Проезд — два восемьдесят. Да на еду рубля два. Зато свой рубль получите. Целехонький.

Возмутился я, позвонил в оперативный отдел областного управления Гострудсберкасс и госкредита, а там мне железным голосом ответили:

— Так надо.

— Почему? — спросил я. — Здесь же, в Джанкое, удобнее рубль получить!

Ответом мне были короткие гудки.

Т. ЦЕЛКОВЫХ

г. Джанкой.

По инструкции

— SOS! Спасите наши тела! Замерзаем!

Сигнал бедствия прозвучал не из безлюдной тундры, не от путников, застигнутых метелью в чистом поле, а из многолюдного Ново-Покровского зерносовхоза, что в Северо-Казахстанской области.

Кто же вопиет о помощи? Это обитатели общежития совхоза, у которых ночью головы примерзают к подушкам. Это служащие конторы, где чернила превращаются в фиолетовый лед, а пальцы пишущих — в голубые сосульки. Это работники столовой, откуда даже мыши сбежали, и где печи холодны, как айсберги.

А тут же, в совхозе, на стройдворе, стоят штабеля дровяного леса.

Есть и инструмент: маятниковая пила, механический колун.

Есть целая бригада добровольцев — рубщиков-пильщиков.

В чем же дело? Пилите, колите, топите!

— Э, нет! — сказал завскладом стройдвора Лаптев. — Сначала изучите технику безопасности, тогда подпущу к механизмам.

— Ну что ж, инструктируй, — согласились рабочие.

— Я не правомочен инструктировать, — отказался Лаптев. — Идите к прорабу Алейнику.

— При чем тут я? — удивился Алейник. — Обратитесь к инженеру по технике безопасности Резникову.

Резников послал их еще куда-то.

А дни шли за днями, и было и холодно, и голодно, и баня не топилась. А рабочие все ходили от одного к другому. Ходили бы и посейчас, если бы не нашлась добрая душа — комендант Макиенко.

— И долго вы будете бродить? Давайте, я вас сейчас проинструктирую... Вот, значит, выпивши к механизмам не подходите.

— Не будем, — пообещали рубщики-пильщики. — А еще что?

— А еще? Ничего! — удивился Макиенко простоте вопроса. — Вот сейчас в журнал запишу и подпишу. Идите, рубите.

На всю процедуру ушло десять минут.

Так нетехнический человек Макиенко сделал то, что не могли сделать ни инженер, ни прораб и никто другой.

Но, что самое главное — инструкция была соблюдена в точности.

Г. ЩЕРБИНИН

с. Ново-Покровка, Северо-Казахстанской области.

ВИЛЫ В БОК!

ЛОДОЧНЫЕ МОТОРЫ!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

МОЯ РЕКЛАМА

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

ПРОСТО АНЕКДОТ

После долгой разлуки встретились двое друзей:
— Ну как, Вася, женился или по-прежнему сам суп варишь?
— И то и другое!

●

Регистратор спрашивает у женщины:
— Незамужняя?
— Да, дважды.

●

Придя из школы, маленький Жан говорит матери:
— У меня сегодня удача.
— Да?
— Учитель хотел меня поставить в угол, но все четыре угла уже были заняты.

●

Американский солдат во Вьетнаме, испугавшись ночной атаки партизан, бросился в тыл. Через некоторое время он наткнулся на какого-то американца в военной форме.
— Прошу прощения, господин лейтенант!
— Я не лейтенант.
— Прошу прощения, господин капитан!
— Я не капитан.
— Прошу прощения, господин полковник!
— Я генерал.
— Неужели я так далеко убежал?

●

По окончании первого акта автор пьесы подбежал к актеру, который играл из рук вон плохо.
— Я меняю сюжет, — заявил он. — Вы умрете в начале второго акта, а не в конце третьего.
— Почему?
— Лучше вам погибнуть по моему замыслу, чем от рук зрителей.

●

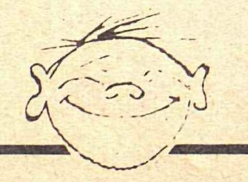
К рубашке доставленного в больницу пациента был приколот лист бумаги, на котором крупными буквами было написано: «Доктор! Это эпилепсия, а не аппендицит. Аппендикс мне уже вырезали трижды».

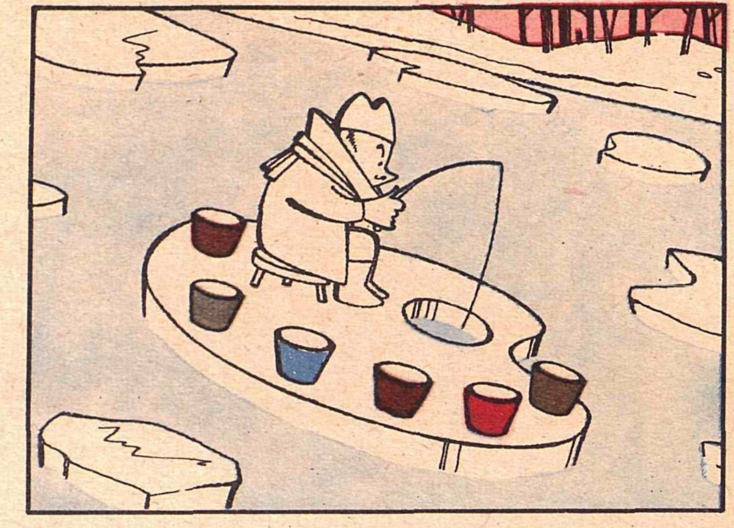
●

Мистер Смит, обитающий в Нью-Йорке на фешенебельной Пятой авеню, получил письмо, адресованное его однофамильцу — мистеру Смиту, проживающему на Шестой авеню. «Сэр,— говорилось в письме,—если вы не пошлете в ближайшие три дня десять тысяч долларов по указанному ниже адресу, мы похитим вашу жену и убьем ее».
Ответ мистера Смита гласил: «Сэр, я не тот Смит, который живет на Шестой авеню, однако спешу сообщить, что ваше предложение меня заинтересовало».

●

После долгих раздумий мистер Джонс нашел способ убедить свою жену водить машину более осторожно. Он сказал ей, что если она попадет в катастрофу, газеты сообщат в некрологе о ее возрасте.

Рыболов-художник.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

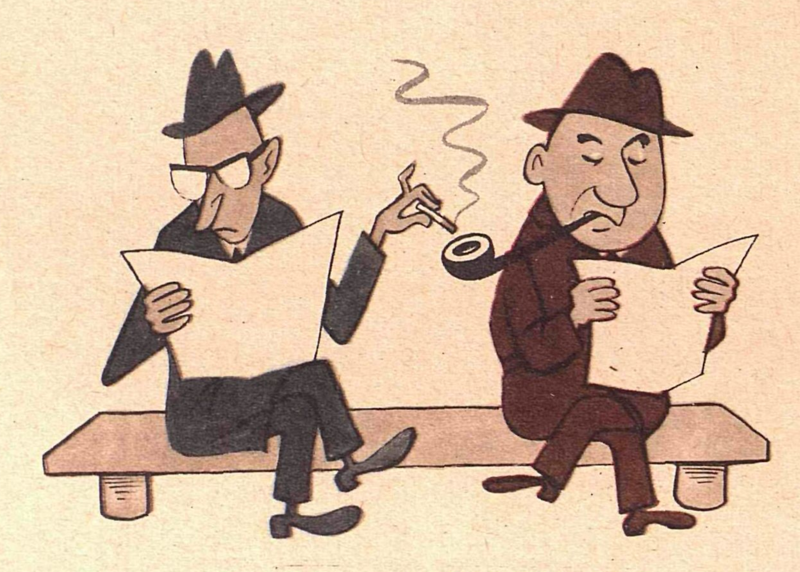

Рисунок П. ГЕЙВАНДОВА (г. Душанбе)

— Бежим скорее в загс, а то не заметим, как молодость пройдет!

Рисунок М. БИТНОГО

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

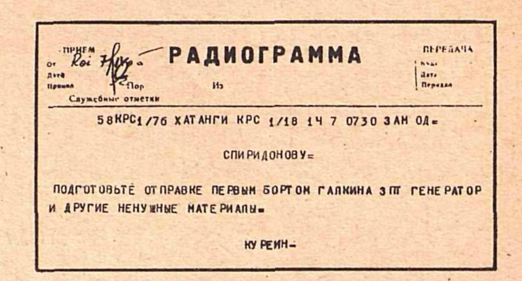
«Мы не позволили гражданину Парину драться, и ему уже ничего не оставалось, как только нецензурно ругаться».

(Из рапорта милиционера.)

«В убийстве соседской свиньи виновата сама свинья, так как зайдя в мой огород, она заставила меня подумать, что это моя свинья».

(Из объяснения в суд.)

Переписал Ю. КРАХМАЛЬНИКОВ.
г. Киев.

РАДИОГРАММА

ПРИЕМ От Дата Принял Пор Из Служебные отметки ПЕРЕДАЧА Кому Дата Передал

58КРС1/76 ХАТАНГИ КРС 1/18 14 7 0730 ЗАН ОД=

СПИРИДОНОВУ=

ПОДГОТОВЬТЕ ОТПРАВКЕ ПЕРВЫМ БОРТОМ ГАЛКИНА 3ПТ ГЕНЕРАТОР И ДРУГИЕ НЕНУЖНЫЕ МАТЕРИАЛЫ=

КУРЕИН-

Прислал В. КОВАЛЕНКО

«В сентябре месяце они совершили кражу карбюраторов от спящего мужчины и променяли его за водку».

(Из протокола допроса.)

«По пути следования они у неустановленных граждан украли 3-х гусей, два матраца и разули «Запорожца».

(Из заявления.)

Копии снял Н. СИДОРИН.
г. Куйбышев.

«Во время движения рейсового автобуса я, будучи возбужден «Московской» до бесконтрольности над своими поступками и словами, приставал к водителю этого автобуса, так как сам шофер и понимаю, как иногда хочется выпить, глядя на пьяных. Шофер на меня не реагировал, и я, видя его невнимательность и грубость к пассажирам, хотел дружески похлопать по плечу и сочувственно сказать «Эх, керя, а еще за рулем!» — но он понял меня не так и сильным движением в бок усадил меня в проход между креслами. От его резкого движения получилась дорожная авария, но я ничего не видел, потому что тут же, в проходе, уснул».

(Из показания.)

Прислал В. ТЕРНОВОЙ.
Донецкая область.

«Председателю добровольного пожарного общества
Дирекция драматического театра просит вас пропитать огнезащитной пропиткой следующие спектакли:
1. «104 страницы про любовь».
2. «Бригантина».

(Из заявки.)

Выписал Н. АЛОВ.
г. Ставрополь.

НЕ ВЫРУБИШЬ ТОПОРОМ

«Ребята в селе хорошие, работящие. С детства труд позавязывал мозольные узелки на их руках. И дел общих не чураются. Володя глядит на улицу. Прямо перед клубом — парк. Шеренги подростков-кленков салютуют рукам комсомольцев. Это поросль их дружного труда.

Да вот только учености не так густо дали в наследство парням и девчатам их родители».

«И, словно в ответ на его слова, тишина колется приветливым стуком двери».

«Володя щедро переливал в слушающие сердца знания, полученные в институте, в журналах, книжных новинках».

«Два раза в месяц собирается молодежь в клубе, чтобы погреться от костра знаний».

Из корреспонденции В. Шабанова «Кругозор»
Газета «Заря молодежи»
г. Саратов

ПЕРЕСОЛИЛИ...

На станцию Бойня Московской железной дороги прибыл грузовой поезд. При вскрытии одного из вагонов, где должны были весело визжать и толкаться 33 живые и упитанные свиньи, приехавшие по делу в столичный мясокомбинат, оказалось ровно тридцать три свиных упокойника, каковые, естественно, не визжали и не толкались, а молчали.

Сопровождавший вагон проводник Кириченко тоже замолк, будучи близок к беспамятству.

— Свят, свят, свят! — вымолвил наконец проводник Кириченко.— Свиньи! Вы в своем уме?.. Вставайте!

Но свиньи не вставали. Выяснилось, что работники станции Лозовая Южной железной дороги для перевозки свиней из местного откормочного совхоза подали вагон, в котором были солидные остатки поваренной соли. Свиньи, весело похрюкивая, набросились на солененькое и, не зная меры, обожрались, как свиньи. А обжорство, как известно, ни к чему хорошему привести не может.

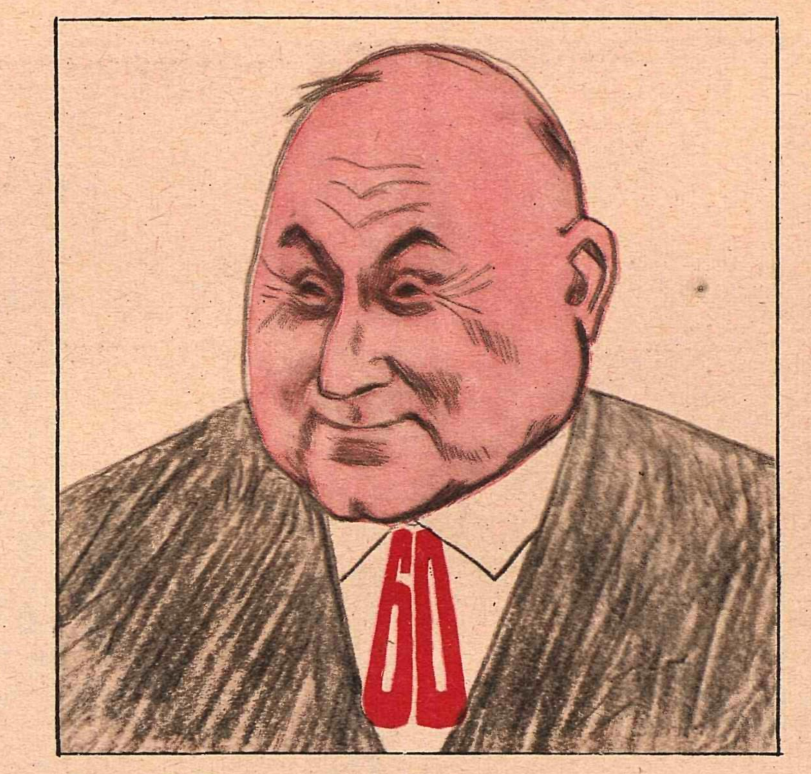
Погибнув, свиньи нанесли государству ущерб, равный почти пяти тысячам рублей. Написать в своем свинском завещании, что этот ущерб следовало бы отнести за счет работников станции Лозовая, несчастные животные не успели.

А. ЗАПЫЛАЕВ

— Дедушка, пересядьте на другое облако, а то вы мешаете...

Рисунок А. СЕМЕНОВА

Аркадий Николаевич ВАСИЛЬЕВ

(К 60-летию со дня рождения)

Дружеский шарж А. ЦВЕТКОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ИНСПЕКТОР БЕЛОВ ПОЛУЧАЕТ ВЫГОВОР»

После опубликования фельетона под таким названием («Крокодил» № 29, 1966 г.) и ответов Смоленского обкома КПСС и прокуратуры Смоленской области («Крокодил» № 1, 1967 г.) мы получили письмо от начальника УООП Смоленского облисполкома тов. Макаревского. Вот что он пишет:

«Сообщаем, что вопрос о незаконных действиях сотрудников горотдела милиции в отношении инспектора рыбоохраны Белова рассматривался на расширенном заседании коллегии УООП облисполкома с приглашением всех начальников горрайорганов милиции. Действия работников Сафоновского ГОМ на коллегии осуждены, все начальники милиции строго предупреждены о недопущении подобных фактов. После опубликования в вашем журнале упомянутой корреспонденции и проведения дополнительного служебного расследования этот вопрос был рассмотрен руководством УООП вторично.

Участковый уполномоченный Сафоновского ГОМ Костиков И. В. за незаконное задержание и грубое обращение с Беловым привлечен к строгой дисциплинарной ответственности. Приказом УООП № 447 от 26.XI. 66 г. он был предупрежден о неполном служебном соответствии.

Начальнику этого ГОМ Ларионову Н. Т., не разобравшемуся в обстоятельствах задержания Белова и не принявшему должных мер к предотвращению нарушения соцзаконности, объявлен выговор.

Этим же приказом объявлен выговор начальнику отдела службы Демьянову В. А., который не проявил необходимой принципиальности в оценке материалов проверки о незаконных действиях работников Сафоновского горотдела милиции в отношении Белова и не с должной объективностью информировал об этом руководство УООП».

«НА СРЕДНЕМ УРОВНЕ»

В фельетоне под таким заголовком («Крокодил» № 35, 1966 г.) речь шла о плохо налаженной физкультурной работе в Бузулукском индустриально-педагогическом техникуме.

Как сообщил редакции зам. председателя Центрального совета «Трудовых резервов» тов. Г. Пожилов, факты подтвердились. Фельетон был обсужден на педсовете, на партбюро техникума, а также на областном совещании всех руководителей физвоспитания Оренбургской области во время областной педагогической конференции. Российский республиканский совет «Трудовых резервов» предложил всем городским, областным, краевым и республиканским (АССР) советам и коллективам техникумов профтехобразования РСФСР провести во всех учебных заведениях проверку отчетности по физкультуре и спорту, обсудить итоги этой проверки.

«С ПОТОЛКОМ ВМЕСТЕ»

О том, как после капитального ремонта здания библиотеки гор. Кизела рухнул потолок, а вместе с ним и авторитет старшего прораба НГЧ-7 Чусовского отделения Свердловской железной дороги тов. Паршукова, сообщалось в заметке «С потолком вместе» («Крокодил» № 4, 1967 г.).

Как сообщили редакции из Министерства путей сообщения СССР, работы по восстановлению обрушенной части чердачного перекрытия закончены. За нарушение технических условий, низкое качество работ и бесконтрольность на главного инженера Чусовской дистанции гражданских сооружений тов. Гафт и старшего прораба тов. Паршукова наложены административные взыскания. Денежные расходы по восстановлению потолка взысканы с виновных — прорабов тт. Паршукова, Пашковского и строймастера тов. Шаблина.

КРОКОДИЛ

№ 10 (1840)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ПЯТЫЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера разработали: М. Битный, М. Вайсборд, П. Гейвандов, А. Грунин, В. Жаринов, В. Мордухович, В. Птицын, А. Семенов, Ю. Степанов, И. Сычев, В. Тильман, Е. Шабельник.

наш адрес:
москва А-15
Бумажный проезд д.14

ТЕЛЕФОН Д 0-10-86

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

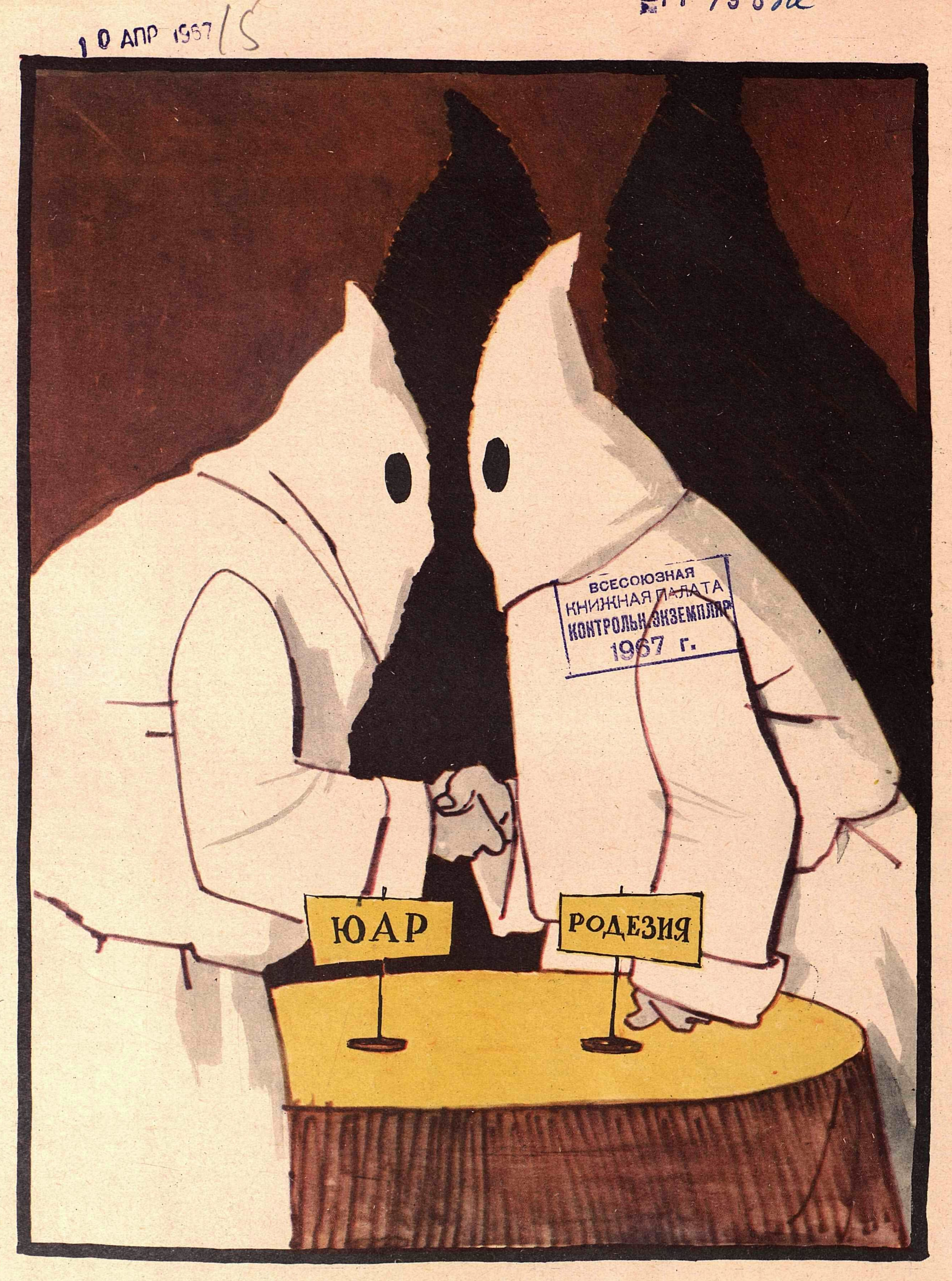
Редакционная коллегия:
А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (ответственный секретарь)
Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора)
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00056.
Подписано к печати 29/III 67 г.
Формат бумаги 70×108 1/8.
2 печ. л., 2,80 усл. л.
Тираж 4 800 000 экз.
Изд. № 529.
Заказ № 1012.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448.

Р А З Г О В О Р   С   Г Л А З У   Н А   Г Л А З...

Рисунок Л. САМОЙЛОВА